

Бабушка Ли разрыдалась пуще прежнего, когда услышала это. Но вскоре она перестала горько плакать и коснулась головы внука своими худыми руками.

— Ты вырос. Я уже не могу тебя контролировать, если хочешь купить велосипед, иди и купи его, — она вытерла слезы и отвернулась, добавив: — Помни, у твоей бабушки есть только один внук...

Хэ Сунбай убрал три золотых листа и золотую фасолину в свой карман. Он знал, что бабушка смогла бы понять его замысел, но ей нужно было время, чтобы обдумать все медленно.

Старушка относилась к нему как к источнику своей жизненной силы. Когда он был ребенком, то ввязался в драку и после слег с высокой температурой. Она так беспокоилась, что всю ночь не могла спать и плакала от боли в сердце.

Хэ Сунбай слышал, как дядя Дэ сказал, что бабушка – очень сильная женщина. В прошлом она редко впадала в уныние. Однако внезапная смерть дедушки и отца подорвала ее уверенность в себе. Она стала во всем сомневаться, стала настороженной, и даже небольшая неприятность могла заставить ее нервничать в течение длительного времени.

— Я так и сделаю, — сказал Хэ Сунбай и забрал миску из-под бабушкиного ужина. Супа в ней осталось совсем немного. Видно, что бабушка хорошо поела сегодня вечером, но жаль, что он, недостойный потомок, так сердил и печалил ее.

Чжао Ланьсян знала, что утром Хэ Сунбай встречался с Лян Течжу. Она своими глазами видела, как тот сидел на заднем сиденье велосипеда друга, и слышала, как Течжу радостно сказал, что отвезет его в город развлечься.

Стало ясно, чем он был занят весь день.

Хэ Сунбаю действительно было нелегко встать на этот «темный путь». В конце концов, он человек, живший лишь в этой эпохе, который четко знал, что спекуляции незаконны. Чжао Ланьсян хотела медленно и незаметно менять его мнение об этом, но не ожидала, что, прежде чем она начнет, он сам со всем разберется.

Чжао Ланьсян была очень счастлива и после наступления темноты постучалась в дверь комнаты Хэ Сунбая.

Заснувший парень услышал ритмичные «три длинных и один короткий» стука, быстро встал с постели и осторожно приоткрыл дверь.

Чжао Ланьсян вошла в комнату и прошептала:

— Ты ведь собираешься завтра с Течжу продавать товары в городе?

Ее глаза ярко сияли, а чрезвычайно тихий голос совсем не мог скрыть ее волнения.

Хэ Сунбай неопределенно хмыкнул. Он искренне не хотел рассказывать ей об этом и в будущем не собирался делиться с ней подробностями своей работы. В конце концов, это абсолютно не то, чем можно было бы гордиться или восхищаться. Если держать ее подальше и не позволять соприкасаться с такими вещами, то можно было рассматривать это как своего рода защиту для нее.

Чжао Ланьсян снова заговорила:

— Думаю, тебе определенно нужен сейчас велосипед? У меня он есть, я могу продать его тебе, хорошо?

На самом деле, у Чжао Ланьсян не было велосипеда, но он был у Тан Цина. Она часто брала его велосипед напрокат, чтобы пройтись по магазинам в округе. После таких многократных заимствований Тан Цин выразил желание передать его ей. Дополнительным условием являлось то, что он сможет каждые выходные приходить к ней обедать.

Воспитанная и образованная Чжао Ланьсян никогда не позволила бы себе на такое согласиться: порядочный человек не станет принимать подачки и обедать других. Кроме того, при содействии Лян Течжу частота использования ею велосипеда Тан Цина значительно сократилась.

Но сейчас была совсем иная ситуация: Хэ Сунбай собирался совершить несколько спекулятивных «нехороших дел» – у него должно быть средство передвижения.

Хотя в округе продавались велосипеды, у них не было установленного рынком ценника. Количеством людей, готовых стоять в очередях, чтобы купить велосипед, можно было заполнить битком целую улицу. Респектабельные семьи в городе стремились приберечь велосипед на подарок в приданое, чтобы сохранить лицо на свадьбах, к тому же, когда они ездили по улицам на велосипеде, то очень привлекали внимание.

Однако текущая ситуация была такова, что поставки велосипедов в небольшие сельские округа скудные и редкие. Невозможно купить велосипед в короткий срок, разве что съездить за ним в город С – там их достаточно. В противном случае, если кто-то хотел купить велосипед в сельской округе, то человек мог даже не увидеть его, пускай и отстоял бы за ним безумную очередь.

Хэ Сунбай услышал ее слова и равнодушно ответил:

— У тебя нет велосипеда. Тебе не нужно беспокоиться об этом, иди спать. Мне завтра рано

вставать, — сказав это, он сонно зевнул и стал прогонять Чжао Ланьсян.

Девушка ответила:

— Хотя у меня пока нет велосипеда, я могу его достать. И продам его тебе. Если у тебя нет денег, я могу дать его в долг, а ты вернешь мне в два раза больше, когда заработаешь.

Безусловно, Хэ Сунбай был обрадован ее нелепым предложением.

Стук его сердца слегка усилился, а ощущение, что о нем заботились, было таким приятным... Все его тело словно согрело теплыми солнечными лучами. После целого дня тяжелой работы, после того, как увидел слезы бабушки, Хэ Сунбай действительно немного устал. Ночью же он почувствовал себя лучше, получив безоговорочную поддержку от своей девушки. Он больше не спешил прогнать ее.

Чжао Ланьсян сделала паузу и добавила:

— Завтра я встану пораньше, чтобы испечь булочки... Давай сначала поспим, не будем разговаривать так поздно.

Впервые она легко отпустила Хэ Сунбая, потому что завтра ей нужно было встать раньше, чем прокричит петух.

Некоторое время назад она копала канавы и была занята осенним сбором урожая. Ее «бизнес» давно не велся, и финансы сильно сократились. Когда она наконец освободится, ей придется выделить время, чтобы испечь что-то на продажу и скопить немного денег.

Хэ Сунбай невольно прищурился, но быстро сказал:

— Я помогу тебе продать все завтра и буду помогать с этим в будущем, а ты просто готовь товар.

Стоило девушке это услышать, ее глаза загорелись. От счастья ей показалось, будто она выпила сладкий медовый нектар. Продажа товара была очень утомительной, ей не нравилось торговать. Похоже, убедить Хэ Сунбая встать на «темный путь», с которого не было возврата, означало обзавестись бесплатной рабочей силой, и отныне она могла просто готовить товар, а продавать его будет кто-то другой.

Чжао Ланьсян решила использовать всю фасоль и дать Хэ Сунбаю хороший старт.

При ведении бизнеса действительно был важен талант. В прошлый раз она продала пироги с красными финиками и бататом за десять с половиной юаней. А Хэ Сунбай продавал всего лишь

лепешки с бобами мунг и продал их лучше, чем она, заработав больше денег.

Чжао Ланьсян несколько не беспокоилась, что ее парень не справится. До тех пор, пока он был готов сделать этот первый шаг, богатство семьи Хэ будет увеличено.

Но она все же сказала ему пару слов:

— Я верю, что ты сможешь обеспечить хорошую жизнь своей семье, но также помни об осторожности. Ты не сможешь заработать, если не будешь уделять внимания безопасности и не будешь следить за своим здоровьем.

Хэ Сунбай погладил девушку по голове и тихо ответил:

— Хорошо.

На следующий день Чжао Ланьсян, поборов свою сонливость, встала очень рано. Замоченную с ночи фасоль она готовила на пару в бамбуковой корзине до тех пор, пока та не стала настолько мягкой и клейкой, что ее можно было с легкостью превратить в пасту, чуть сдавив пальцами. И только тогда она стала готовить булочки.

Хотя обыкновенная фасоль ничем не примечательна, она давно являлась популярной закуской и была очень любима еще придворной знатью. Паста цвета слоновой кости из приготовленной на пару фасоли придавала булочкам более мягкую и нежную текстуру, а также насыщенный вкус. Чжао Ланьсян сперва окрасила булочки соком красной фасоли – и они стали розовыми. А стоило добавить лилового сладкого картофеля – приобретали изысканный пурпурный цвет.

В тишине ночи дрова на дне печи изредка издавали слабый треск, а в котле бурлила кипящая вода. Через некоторое время Чжао Ланьсян сняла с огня свою пароварку и начала любовалась цветом готовых булочек, вид которых неожиданно оказался на удивление красивым.

Она попробовала булочку. Ее вкус был нежным и изысканным, текстура – гладкой, а начинка – в меру клейкой, заставляющей людей, откусивших первый кусочек, хотеть съесть еще и еще. Она получилось сладкой, но не жирной. При приготовлении булочек с фасолью мука вообще не использовалась, и клейкие скрепляющие свойства бобовой пасты раскрывались в них в полной мере.

Как бы то ни было, Чжао Ланьсян сделала довольно много булочек, поэтому отложила чуть-чуть на будущий перекус. Упаковав выпечку, она вручила ее Хэ Сунбаю со словами:

— Будь осторожен и возвращайся пораньше.

— Хорошо.

Хэ Сунбай уехал на велосипеде; темнота ночи наложила отпечаток благородного величия на его серьезное лицо.

Чжао Ланьсян вернулась в дом, чтобы немного поспать. К счастью, она очень редко торговала на черном рынке. Ее тело не вынесло бы, если бы она каждый день вставала так рано.

Чжао Ланьсян завернулась в одеяло и вскоре погрузилась в сладкий сон, и спала до тех пор, пока солнце не поднялось высоко, а ее не разбудил стук в дверь.

Она потерла свои глаза, думая, что это сестра Хэ или Санья звали ее, поэтому быстро встала с кровати и надела тапочки, чтобы открыть дверь. Однако Чжао Ланьсян не ожидала, что за дверью будут стоять Цзян Ли и Тан Цин.

Тан Цин взглянул на нее и вежливо отвел глаза.

Чжао Ланьсян посмотрела на свою одежду, потерла лоб, избавляясь от головной боли, и вернулась переодеться.

Цзян Ли сердито сказала:

— Ты гораздо ленивее меня! Кажется, даже интенсивный труд не заставил тебя стать более трудолюбивой. Солнце уже высоко, а ты все еще спишь!

Чжао Ланьсян ответила:

— Так зачем ты хотела меня видеть?

Цзян Ли в ответ на это положила на стол конверт и еще выше подняла брови:

— Вот, мой брат написал тебе письмо.

Бог знает, что это был за опыт, вскрыть письмо собственного брата. Так или иначе Цзян Ли, тайком прочитавшей письмо, потом пришлось тщательно промыть себе глаза.

Холодный и величественный старший брат написал письмо в стиле, который он ненавидел больше всего в своей жизни, все эти сладкие слова и милые фразочки, которые он презирал и на которые фыркал, появились в этом его письме.

Если бы не знакомый почерк, Цзян Ли задалась бы вопросом, не взяла ли она по ошибке еще

чью-то почту. Цзян Ли была немного рассержена, но не испытывала особого отвращения. Чжао Ланьсян теперь могла быть счастлива: она наконец-то покорила сердце ее брата.

Цзян Ли фыркнула и добавила:

— Читай же скорее и после приготовь мне булочек на пару с начинкой. Хотя... даже если мой брат что-то тебе написал, пройдет еще много времени, прежде чем ты будешь звать меня золовкой, а я тебя - невесткой*.

П. п.: Золовка - сестра мужа. Невестка - жена брата.

Услышав ее слова, Чжао Ланьсян чуть не ткнула зубной щеткой себе в горло.

Она ускорила, закончив приводить себя в порядок за пять вдохов, и выглядела посвежевшей, но сонной и расстроенной. Чжао Ланьсян пригладила волосы и подняла брови.

— Кто сказал тебе, чтобы ты называла меня невесткой? — она даже не взглянула на аккуратно разложенное на столе письмо и спокойно сказала: — Я давно рассталась с твоим братом. Не говорила тебе раньше, потому что думала, что твой брат сознательный, и он сам правильно все понял бы, увидев мое отношение. Я не ожидала... — Чжао Ланьсян взяла письмо со стола и вернула его Цзян Ли: — Что он такого высокого о себе мнения.

П. п.: Вот примерно, что она готовит. Просто представим, что они пурпурные, а не белые))

<http://tl.rulate.ru/book/46619/2484967>